

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

А. В. ДЕСНИЦКАЯ

ОБ УНИВЕРСИТЕТСКОМ КУРСЕ «ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

Действующий в настоящее время на филологических факультетах университетов учебный план в число других общелингвистических дисциплин («Введение в языкознание» и «Общее языкознание») включает также курс «История языкознания». Для изучения истории науки, как и всякого другого общественного явления, основополагающими являются известные указания Ленина: «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Марксистский курс «История языкознания» не должен быть «академическим» перечнем выдвигавшихся в разное время представителями разных лингвистических направлений точек зрения на вопросы языковедной теории. В этом курсе необходимо дать оценку деятельности языковедов прошлого, исходя из того, в какой мере их общетеоретические построения и конкретно-лингвистические изыскания содействовали выработке правильных взглядов на предмет и метод языковедной науки, установлению объективных закономерностей развития изучаемых языков и этим в той или иной мере подготавливали почву для создания марксистской теории языка. В то же время задачей курса является критика идеалистических концепций, которые во все времена тормозили, отклоняли от правильного пути развитие языковедных исследований. При этом привлекать внимание должны в первую очередь не те идеалистические, примитивные в своей ошибочности построения, которые давно уже никто не пытается воскрешать, а те теории, преемственную связь с которыми до сих пор сохраняют идеалистические концепции современной буржуазной лингвистики, которые до сих пор еще могут служить источником для разного рода ошибок, уклонений от подлинно научного понимания и подлинно научного метода изучения языковых фактов.

В пору засилья антиисторических установок акад. Н. Я. Марра, пытавшегося отрицать достижения предшествующей науки о языке, значение истории языкознания как предмета научного изучения и университетского преподавания явно недооценивалось. Поэтому в течение ряда лет до лингвистической дискуссии 1950 г. курс «История языкознания» редко

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 436.

читался в наших университетах. После появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания положение коренным образом изменилось. Истории языковедной науки обеспечено надлежащее место в системе лингвистического образования.

*

До сих пор еще преподаватель курса «История языкознания» встречается с большими трудностями. К затруднениям организационного порядка относится отсутствие программы и учебника, а также явно недостаточное количество часов, отводимых этому предмету, — всего один семестр на III курсе (36 часов). При таком количестве часов лектор вынужден сильно сокращать объем материала, подлежащего изложению, а это отрицательно сказывается на содержании курса.

Кроме того, не определено соотношение курса «История языкознания» с читаемым после него курсом «Общее языкознание». В официально утвержденной программе курса «Общее языкознание»² сравнительно большое место отводится критическому изложению языковедных теорий прошлого и некоторых современных идеалистических теорий зарубежной лингвистики, что собственно составляет содержание курса «История языкознания». Правда, материал этот предлагается давать выборочно, вне хронологической последовательности, и поэтому характеристика лингвистических направлений будет, если придерживаться программы, не полной. Тем не менее ненужный параллелизм в двух общелингвистических курсах, читаемых один вслед за другим, несомненен; излишние повторения отнимут много времени и могут в известной мере дезориентировать не только слушателей, но и самих преподавателей.

Однако главная трудность, возникающая при чтении курса «История языкознания», состоит в том, что в нашей лингвистической литературе до сих пор не разработана марксистская периодизация истории языковедной науки. С первых же шагов преподаватель сталкивается с вопросом о том, что считать наукой о языке, с какого времени эта наука существует, с чего надо начинать изложение ее истории.

Казалось бы, этот вопрос не должен вызывать особых сомнений. Известно, что изучение языковых явлений началось уже с очень давних пор. Еще в IV в. до н. э. ученые древней Индии создали научную классификацию звуков санскритского языка и описали его сложную морфологическую структуру. Основы классификации слов по частям речи и учения о таких грамматических категориях, как число, время, наклонение, залог и т. д., были разработаны еще учеными античной Греции. Нельзя недооценивать того факта, что наша современная наука о грамматическом строе языка до сих пор оперирует понятиями, выработанными представителями Александрийской школы грамматистов две тысячи лет назад (правда, значительно теперь уточненным, конкретизованными и углубленными в соответствии с успехами, которые были с тех пор достигнуты языкознанием, в особенности за последние 150 лет). И это вполне понятно, потому что александрийским ученым, подходившим к своему родному греческому языку как к предмету научного исследования, действительно удалось открыть некоторые объективные закономерности его структуры, установить ряд правил и законов грамматики.

Дальнейший прогресс науки отнюдь не снял значения этих открытий. Они знаменовали собой решительную победу подлинной науки, исходящей из анализа реальных фактов, над идеалистическими фантазиями, связанными с религиозными представлениями о непознаваемой «божественной»

² См. «Программа курса „Общее языкознание“» [автор А. С. Чикобава, М.], 1952.

сущности языка. Замечательны были также труды китайских филологов эпохи Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.), разрабатывавших вопросы иероглифики, фонетики, грамматики, лексикологии, диалектологии.

В своих исследованиях языковеды древности руководствовались отнюдь не абстрактным любопытством к явлениям языка вообще. Чисто умозрительный подход к языку был характерен лишь для того периода, когда языковедение еще не выделилось в качестве самостоятельной научной дисциплины из философии — этой «универсальной» науки древности, а тем более из различных религиозных систем миропонимания (ср. легендарные представления о создании языка божеством, о происхождении различий между языками и т. п.).

Авторы грамматических, фонетических и лексикологических теорий той эпохи исходили из реальных ее потребностей. В соответствии с этими потребностями создается в то время «филологическая» грамматика. Она строится на изучении конкретных фактов языка, представленных в литературных текстах. Грамматика эта является также и «технической», так как главной задачей науки о языке на первом этапе ее развития было определение минимума грамматических правил, необходимых для понимания древних текстов и для овладения навыками правильного чтения, письма и речи на родном языке (ср. связь грамматики с риторикой в античной Греции).

Современные языковеды нередко склонны упрекать древних в том, что они не выработали исторического подхода к фактам языка, не установили понятия о родстве языков, не оставили описаний целого ряда языков исчезнувших и т. д. и т. п. Действительно, приходится сожалеть, что языковеды Греции и Рима, изучая свои родные языки, не проявили никакого интереса к описанию таких языков, как скифский, этрусский, галльский и др., хотя практическое знание этих языков было несомненно нередким явлением для того времени. Однако нельзя забывать о том, что греческие и римские языковеды стояли на уровне науки своей эпохи, руководились в своих исследованиях теми требованиями, которые предъявляла к ним общественная практика именно этой эпохи, и не могли предвидеть научных проблем, которые были поставлены в порядок дня сравнительным языковедением лишь в XIX в.

Так как в то время объектом изучения являлись только древнегреческий и латинский литературные языки, не было достаточных предпосылок для выработки исторического подхода к языковым явлениям, а живая разговорная диалектная речь не могла тогда стать предметом подлинно научного исследования (к этому европейское языковедение пришло лишь в конце XIX в.).

В тех случаях, когда изучавшиеся литературные памятники далеко отстояли друг от друга в хронологическом отношении и лингвистический анализ естественно должен был обнаружить происшедшие в языке изменения в области фонетики и морфологии, мы встречаемся с некоторыми элементами исторического и даже сравнительно-исторического подхода к анализу языковых фактов. Это было, в частности, характерно для науки о языке древней Индии, имевшей дело с сильно различающимися в языковом отношении ведийскими текстами, текстами на классическом санскрите, а также с широко применявшимися в классической санскритской драме вставками на среднеиндийских языках (так называемые *праkritы*)³.

Однако не это составляло определяющую особенность грамматической теории той эпохи. Главная заслуга ученых древнего мира — это создание

³ См. А. П. Баранников, *Элементы сравнительно-исторического метода в индологической лингвистической традиции*, «Вопросы языковедения», 1952, № 2.

первых образцов описательной грамматики, разработка основ грамматики как науки. Мы должны говорить об огромном превосходстве «исторической» грамматики, созданной в XIX в., над «филологической» или «технической» грамматикой, характеризовавшей состояние языкознания до XIX в., но мы не можем забывать о том, что залогом успехов новейшего языкознания была та огромная работа, которую проделали языковеды прошлого и, в частности, языковеды древнего мира.

Начиная с эпохи Возрождения в различных европейских странах составляются описательные грамматики отдельных национальных языков, которые носят нормативный характер, но не содержат элементов исторического подхода к изучаемым фактам. Нормативная установка непосредственно определялась потребностями общественной практики той эпохи, когда одной из важнейших задач было закрепление грамматических норм слагающегося национального языка. В этих условиях создание и усовершенствование описательных грамматик являлось первоочередной проблемой языковедной науки, и деятельность грамматиков-нормализаторов имела не только практическое, но и теоретическое значение.

По-иному следует, как нам кажется, подойти к вопросу о роли, которую на первых порах играло подражание схеме латинской грамматики Доната. Говоря о «мертвящем» влиянии латинской грамматической традиции, тяготевшей тогда над изучением живых языков, мы обычно не учитываем того, что традиционная латинская грамматика при всей схоластичности ее построения содержала тем не менее сводку грамматической теории, созданной некогда учеными Греции и Рима. Опираясь на эту теорию при описании грамматических правил образующихся национальных языков, впервые явившихся объектом научного исследования, то есть использовать опыт предшествующей науки, было вполне естественно и закономерно.

Конечно, механическое перенесение категорий латинского языка на категории других языков, хотя и родственных латинскому, но тем не менее отличающихся от него конкретными особенностями своей грамматической структуры, отрицательно сказывалось на построении описательных грамматик отдельных национальных языков. Однако в преодолении схематизма при анализе фактов того или иного языка, в совершенствовании грамматических описаний применительно к своеобразию отдельных языков, в установлении новых правил и в уточнении старых как раз и заключался в то время прогресс науки о языке, неуклонно двигавшейся вперед, но сохранявшей при этом преемственную связь с достижениями науки прошлого.

В эпоху становления национальных языков составление нормативных грамматик и словарей являлось первейшей задачей языковедения. Вполне понятен поэтому расцвет данной области исследований в европейской науке XVII—XVIII вв. (например, блестящие исследования по русской грамматике М. В. Ломоносова и аналогичные по заданию и характеру труды языковедов других стран). В то же время в языковедении уже тогда стали возникать предпосылки для дальнейшего углубления исследовательского подхода к фактам языка, для создания сравнительно-исторического метода, дающего возможность понять языковые явления в их становлении и развитии.

К началу XIX в. прежнее направление в лингвистических исследованиях уже перестает удовлетворять развивающуюся научную мысль; принцип исторического подхода к изучению языковых фактов выдвигается на первый план. Старая «филологическая» или «техническая» грамматика, верная своим давно сложившимся и уже отставшим от жизни традициям, становится тормозом на пути научного прогресса. Понятна поэтому та отрицательная оценка, которую дал ей Энгельс в «Анти-Дюринге», противопоставив успехи

исторического языкознания, развившегося в XIX в., старомодной «технической» грамматике «со всей ее казуистикой и произвольностью, порождаемыми отсутствием в ней исторического основания»⁴.

В 70-е годы XIX в. (время написания «Анти-Дюринга») уже сложились прочные традиции сравнительно-исторического изучения языковых фактов, коренным образом изменились требования, предъявляемые к научной грамматике; языкознание, перестроенное на основе принципа историзма, достигло невиданных прежде успехов в отношении широты охвата лингвистических фактов и углубления их теоретического анализа. Однако все эти успехи были подготовлены предшествующим многовековым развитием языковедной науки, начавшейся с описания основных элементов языковой структуры, сделанного языковедами древнего мира более двух тысяч лет тому назад.

Среди современных лингвистов нет, однако, единого мнения по вопросу о том, что считать наукой о языке, с какого времени эта наука существует и с чего надо начинать изложение ее истории. На наш взгляд, наукой о языке может быть названо такое изучение языка, результатом которого является раскрытие сущности и описание различных сторон языка (языка вообще и отдельных конкретных языков в частности), раскрытие объективных закономерностей, определяющих характер и соотношение основных элементов его структуры, исторических законов его развития. Наука о языке зародилась с той поры, когда язык впервые стал предметом научного изучения, т. е. с того времени, когда люди от создания мифов и легенд перешли к описанию языковых фактов и к анализу присущих языку закономерностей.

Следовательно, изложение истории науки о языке должно начинаться с рассказа о замечательных достижениях ученых древнего мира. Дальнейшая история языкознания — это история постепенного усовершенствования методов анализа языковых явлений, расширения охвата изучаемых фактов, история выработки правильных научных взглядов по общим и частным вопросам языковедной теории. Высшим достижением на этом пути является разработка марксистского языкознания, представляющего собой качественно новую ступень в развитии науки о языке и опирающегося на весь положительный опыт, накопленный языкознанием на протяжении ряда веков.

Успехи в познании сущности языковых явлений достигались путем напряженных теоретических исканий. Разного рода идеалистические концепции тормозили выработку правильных взглядов по самым различным вопросам языковедной теории, нередко уводили языковедов от анализа явлений и законов исторической действительности языка в сторону разного рода умозрительных, оторванных от реальных фактов построений. На развитии языкознания во все эпохи отрицательно сказывались также часто наблюдавшаяся косность в применении устаревших методов исследования, слепая приверженность отдельных групп ученых к потерявшей свою актуальность научной проблематике, различные формы борьбы старого, отживающего с новым, прогрессивным.

Путь развития науки о языке чрезвычайно сложен. При освещении его представляется необходимым выделить поворотные, узловыe пункты, такие достижения, которые знаменовали решительную победу материалистического подхода к познанию языковых явлений над разного рода идеалистическими концепциями, победу новых, более совершенных методов лингвистического исследования над старыми. Такими этапами являлись в свое время выработка принципов грамматического описания языка

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 327.

(первое решающее завоевание науки о языке) и затем, уже в XIX в., создание сравнительно-исторического метода языковедных исследований, который совершенствовался и продолжает совершенствоваться в связи с новыми и новыми открытиями в области исторического языкознания и уточнением методики лингвистического анализа.

Выдвижение этих научных задач являлось для своего времени отнюдь не случайным, оно было непосредственно связано с теми требованиями, которые предъявляла к языковедению сама жизнь. Так, и в наши дни перед языковедами как одна из самых насущных, актуальных задач встает задача разработки научных грамматик для сотен национальных языков и языков народностей, многие из которых были в прошлом бесписьменными. Эта задача актуальна не только по отношению к языкам, на которых говорят народы стран победившего социализма, но и для языков народов колониальных и зависимых стран, борющихся за свое национальное самоопределение.

И для решения только этой задачи необходимо использовать все положительное в предшествующей науке, начиная с первых попыток составления описательных грамматик. Ясно, какое большое значение имеют здесь достижения языковедения в области грамматической теории, в области фонетики и диалектологии, так сильно и плодотворно развившейся за последние 60 лет. Немалую роль призван сыграть в этом деле и сравнительно-исторический метод языковедных исследований, дающий возможность углубить историческую перспективу и раскрыть внутренние закономерности изучаемых языков.

Огромное преимущество работы языковедов на новом узловом этапе истории языкознания определяется существованием марксистской теории языка, дающей подлинно научное, материалистическое разрешение вопроса о сущности, характерных признаках и законах развития языка и опирающейся на весь положительный опыт языкознания прошлого.

Для правильной организации борьбы марксистского языкознания со всевозможными идеалистическими извращениями, с разного рода идеалистическими реакционными концепциями современной буржуазной науки также необходимо знание истории науки о языке на всем протяжении ее развития, начиная с древности и кончая современностью.

Всем этим вопросам можно было бы не уделять столько внимания, если бы в нашей лингвистической литературе последних лет не высказывалась точка зрения, дающая совершенно иную и, как нам кажется, неправильную оценку путей развития языковедной науки прошлого. Согласно этой точке зрения, история языкознания подразделяется на «донаучный» и «научный» периоды. При этом начало «научного» изучения языка связывается исключительно с открытием понятия о родстве языков и разработкой сравнительно-исторического метода лингвистических исследований. Таким образом, появление «научного» языкознания и даже языкознания вообще (как научной дисциплины) относится лишь к началу XIX в., к моменту появления первых работ в области сравнительного языкознания — трудов Боппа, Раска, Гримма, Востокова. Все, что создавалось в науке о языке до этого времени, объявляется «ненаучным» или «донаучным».

Абсолютным и единственным критерием в оценке научного значения языковедного исследования любой эпохи объявляется принцип «историзма». Поскольку языковеды древнего мира и нового времени (до XIX в.) не смогли выработать исторического подхода к анализу языковых явлений и не стали на точку зрения сравнительного языкознания, деятельность их определяется как не достигшая уровня подлинной науки и фактически выключается из рамок истории языкознания в собственном смысле слова. Наука о языке считается возникшей лишь в XIX в.

Такая точка зрения проводится и в учебнике по курсу «Введение в языковедение»⁵. Сторонники ее, правильно подчеркивая значение принципа историзма в языковедных исследованиях, сами забывают, однако, о том, что марксизм требует того, чтобы развитие науки рассматривалось как исторический процесс.

Вряд ли можно возражать против того, что в XIX в. наука действительно достигла исключительных успехов в историческом изучении языков самых различных семей. Успехи эти в значительной мере связаны с применением сравнительно-исторического метода исследования фактов языкового родства, что и составило один из важнейших этапов в развитии языковедения. Однако нельзя забывать о том, что достижения языковедения XIX в. были подготовлены всем развитием науки за предшествующий период. В особенности нельзя забывать об исследованиях ученых древнего мира, заложивших основы науки о грамматическом строе языка, а также о том, что эта наука на протяжении ряда веков продолжала развиваться в применении к материалу различных языков, вовлекавшихся в сферу изучения в зависимости от практических потребностей общественной жизни.

Предлагаемое сторонниками вышеизложенной точки зрения определение всего языковедения до XIX в. как «донаучного» представляется необоснованным, не соответствующим марксистскому пониманию процесса развития науки. Вытекающая из этой установки схема периодизации не может быть, как нам кажется, положена в основу построения курса истории языковедения. Этот курс должен, по мере возможности, осветить все основные этапы процесса познания языковых явлений в различных их аспектах, притом начиная с первых шагов развития языковедения, которое зародилось как наука уже более двух тысяч лет тому назад.

*

Принимая во внимание отсутствие программы, позволим себе высказать некоторые соображения по вопросу о содержании курса «История языковедения»⁶. Уже из предшествующего изложения ясно, что сведения о развитии науки о языке в древнем мире должны занять в этом курсе надлежащее место. Представляется необходимым дать характеристику достижений древнеиндийских языковедов в области разработки грамматики и фонетики (грамматика Панини как первое научное описание языковой структуры); в этой связи следует также остановиться на том, какое влияние на развитие взглядов европейских компаративистов первой половины XIX в. (Бопп, Шлейхер и др.) оказало ознакомление с грамматической теорией, созданной учеными древней Индии.

По мере возможности нужно также рассказать о развитии исследований по иероглифике, фонетике, грамматике, лексикологии, диалектологии в древнем Китае, так же как и в Индии, связанных с практикой филологического изучения и комментирования литературных памятников.

При изложении истории языковедных исследований в древней Греции особое внимание надо, как нам кажется, обратить на разработку основ грамматической теории, подчеркнув тесную связь изучения вопросов грамматики с вопросами логики (Аристотель, стоики). В специальном рассмотрении нуждается грамматическая концепция Александрийской школы, а также дискуссия между «аналогистами», утверждавшими наличие за-

⁵ См. А. С. Ч и к о б а в а, Введение в языковедение, ч. I, М., 1952, стр. 15.

⁶ Излагаемый здесь предварительный набросок содержания курса «История языковедения» основывается на опыте чтения этого курса автором в Ленинградском университете. Несомненно, что этот набросок нуждается в целом ряде дополнений, уточнений и исправлений.

кономерностей языковой структуры, и «аномалистами», отрицавшими эти закономерности. Исследования по грамматике латинского языка предстанут как непосредственное развитие грамматических традиций греческих ученых в применении к новому языковому материалу.

Особую линию в развитии языкознания древней Греции и Рима представляло изучение языковых проблем в философском аспекте. Интересен длительный спор о характере связи между наименованием и предметом («по природе» или «по установлению»), а также постановка вопроса о происхождении языка. При анализе этих вопросов особенно наглядно выступает коренная противоположность мировоззрения спорящих: борьба материалистических взглядов с идеалистическими. В целом языкознание древнего мира должно быть оценено в курсе как важный этап на пути развития научных взглядов по ряду вопросов теории науки о языке.

Описание языковедной работы в средневековой Европе не должно занимать много места в нашем курсе. Можно лишь кратко рассказать об использовании латинской грамматики в системе схоластического образования, а также о зачатках филологической работы в области отдельных европейских языков в некоторых монастырских школах (переводы богослужебных текстов, составление кратких глоссариев). Зато более подробно нужно охарактеризовать языковедные исследования средневековых арабских филологов, а также ученых других стран Востока (Средней Азии, Китая).

Для европейских стран важный этап в дальнейшем развитии науки о языке был связан с эпохой Возрождения. В этом новом периоде можно наметить три основные линии лингвистических исследований:

1. Создание описательных грамматик языков слагающихся наций — работа исключительной важности не только в плане выполнения практических требований, выдвигавшихся общественной жизнью эпохи поднимающегося капитализма, но и в научно-теоретическом плане. Хотя в основу этих грамматик и ложились традиционные схемы латинской грамматики, однако сам опыт применения их к новому языковому материалу неизбежно должен был способствовать дальнейшему развитию грамматической теории.

2. Расцвет классической филологии, связанный с возрождением интереса к литературе древней Греции и Рима. В процессе изучения и комментирования литературных памятников совершенствовалось знание грамматической структуры и словарного состава греческого и латинского языков. Правда, в достигшей таким образом высокого уровня «филологической» грамматике уже очень скоро стало ощущаться как серьезный теоретический недостаток отсутствие исторического подхода к анализу языковых явлений; чем больше совершенствовалось знание единичных фактов, тем явственнее обнаруживалась беспомощность языковедов-филологов старого типа в теоретическом осмыслении этих фактов. Отсюда «казуистика» и «произвольность» старой «филологической» или «технической» грамматики («казуистика» и «произвольность» не в описании самих фактов, но в их объяснении).

Однако умение детально фиксировать особенности употребления слов и форм в том виде, как они засвидетельствованы в конкретных языковых памятниках древней эпохи, явилось бесспорным достижением старой классической филологии. Использование опыта «филологической» грамматики несомненно обогатило сравнительное языкознание XIX в. в тот период его развития, когда от первых, часто поверхностных, обобщений фактов родства индоевропейских языков оно перешло к более углубленному изучению языковой истории.

3. Расширение лингвистического кругозора, связанное с изучением ряда

неизвестных прежде языков. Предпосылкой для этого являлись торговые путешествия и начало колониальных захватов. Сведения о многообразии существующих в мире языков, поступающие из сообщений путешественников, а также элементарные грамматики различных языков народов Азии, Америки, Африки, составлявшиеся миссионерами в целях религиозной пропаганды, обогащали научный горизонт европейских филологов. Поэтому уже в XVI в. появляются первые попытки классификации языков (И. Ю. Скалигер).

Указанные три аспекта языковедных исследований получили дальнейшее развитие в XVII—XVIII вв. Новым для этого периода явилось создание так называемой «философской» грамматики (французская грамматика Пор-Рояля), базирующейся на рационалистической философии XVII в. В курсе может быть дано критическое рассмотрение принципов построения этой грамматики⁷, появление которой было определено возросшей потребностью в языковой нормализации.

Говоря о достижениях языковедов XVIII в. в области научного описания грамматического строя языка, преподаватель должен охарактеризовать «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова. Особого внимания заслуживает также развернувшаяся в эту эпоху работа по составлению академических словарей различных национальных языков, преследовавшая все ту же выдвинутую самой жизнью цель — установить национально-литературные языковые нормы.

Наряду с описанием успехов языковедной науки XVIII в. в деле составления нормативных грамматик и словарей, необходимо остановиться и на относящихся к этому времени первых попытках исторического подхода к фактам языка и изучения языкового родства (исследования М. В. Ломоносова⁸, а также труды голландского лингвиста Л. Тен Кате в области германских языков, венгерского лингвиста Ш. Дьярмати в области финно-угорских языков и др.).

В то же время следует подчеркнуть, что в XVIII в. проблема родства языков еще не была поставлена в центр научных интересов. Наряду с решением основной для этого периода задачи — составления нормативных грамматик и словарей, языковеды XVIII в. направляли свои усилия не столько в сторону сравнительного изучения отдельных языковых семей, сколько в сторону накопления сведений о неизвестных до того времени языках. Эта работа, выдающуюся роль в которой сыграла русская наука, несомненно, была для своего времени чрезвычайно плодотворна, так как содействовала расширению научного кругозора лингвистов, подготавливала почву для постановки проблем общего языкознания.

Характеризуя принципы составления многоязычных словарей, решавших выдвинутую наукой XVIII в. задачу количественного учета языков мира, необходимо отметить, что эти словари не вносили, однако, ничего качественно нового в развитие научных методов лингвистического исследования. Они базировались на чисто внешнем сопоставлении изолированных слов и речений и не давали возможности раскрыть исторически обусловленные закономерные соответствия, существующие между гене-

⁷ Ввиду того, что представители структуралистского направления в новейшей зарубежной лингвистике (Ельмслев и др.) в своей борьбе против исторического подхода к фактам языка пытаются возродить давно отжившие принципы универсальной логической грамматики XVII—XVIII вв., необходимо исторически подойти к оценке значения этого типа грамматики для своего времени и заострить критику основных ее положений в свете современных задач развития марксистской языковедной теории.

⁸ См. освещение этого вопроса в статье П. С. Кузнецова «О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания» («Ученые записки [МГУ]», вып. 150, 1952).

тически родственными языками. К началу XIX в. универсальные многоязычные словари сыграли свою роль одной из подготовительных ступеней в накоплении лингвистических фактов для последующего сравнительно-исторического исследования и являлись уже вчерашним днем науки.

Столбовой путь дальнейшего развития научного языкознания был связан с изучением фактов языкового родства, со сравнительно-историческим анализом грамматической структуры, словарного состава и фонетики языков, объединяемых в группы или семьи по принципу исторической общности их происхождения.

При изложении истории науки о языке в XIX в. центральное место, естественно, должно занять сравнительно-историческое языкознание, основные этапы его развития. Нам представляется целесообразным выделить два главных этапа: 1) историческое языкознание первого периода, начиная с трудов Боппа, Раска, Востокова, Гримма и кончая исследованиями 50—60-х годов XIX в. (Шлейхера, Курциуса и др.); 2) историческое языкознание второго периода, начиная с 70-х годов XIX в. (Потебня, младограмматики, Казанская школа, Фортунатов, ранний де Соссюр и др.).

Описанию первых шагов в области изучения фактов языкового родства может предшествовать краткое изложение сущности сравнительно-исторического метода, основанное на известных определениях Энгельса и Сталина и на их оценке успехов исторического языкознания XIX в.

Естественно ожидать, что преподаватель уделит особое внимание развитию сравнительного языкознания в первой четверти XIX в. — времени появления трудов Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова, Я. Гримма, составивших блестящее начало для дальнейших исследований в этой области. Подчеркнув, что исторический подход к изучению фактов приобрел в этих работах впервые решающее значение, он даст всестороннюю характеристику их содержания, а также примененного в них метода лингвистического анализа. При этом выявятся характерные различия в проблематике, выдвигавшейся названными учеными, а соответственно также и в применявшихся ими исследовательских приемах (у Боппа — преимущественный интерес к вопросу о происхождении грамматических форм в общеиндоевропейском языке-предке и гипотетические реконструкции их «первоначального» состава, у Востокова и Гримма — изучение конкретной истории славянской и германской языковых семей, основывающееся на применении сравнительно-исторического анализа соответствий и различий звуков и форм, наблюдаемых между отдельными членами этих семей, и т. д.).

При описании развития сравнительно-исторического языкознания на протяжении первой половины XIX в. должны быть отмечены успехи в области накопления фактов, подлежащих изучению, — определение состава языковых семей, выявление соответствий грамматического строя и словарного состава, сопровождаемое реконструкцией более древнего, исходного для родственных языков состояния и этимологическими разысканиями, попытки установления закономерных звуковых соответствий, правда, на этом этапе лингвистических исследований еще недостаточно последовательные.

Большое значение уже для этого этапа имела разработка сравнительных грамматик отдельных языковых групп в составе общеиндоевропейской лингвистической семьи, являвшейся преимущественным объектом сравнительно-исторических изысканий в первую пору их развития. Создание сравнительных грамматик германской, славянской, романской, кельтской языковых групп, а также обогащение сравнительно-исторического метода многовековым опытом филологического изучения классических (греческого и латинского) языков создавали основу для дальнейшего совершен-

ствования метода, для более углубленного проникновения в исторические закономерности языкового развития.

Отмечая все эти успехи молодого сравнительно-исторического языкознания, преподаватель дает развернутую характеристику таких обобщающих научных достижений своего времени трудов, как «Сравнительная грамматика индоевропейских языков» Боппа и «Компендий сравнительной грамматики» этих же языков Шлейхера. В этой связи представляется целесообразным более подробно рассмотреть лингвистические взгляды Боппа, сущность разработавшейся им теории агглютинации, его гипотезы о первоначальном строении глагольных форм (сочетание глагольного корня, имеющего предикативное значение, вспомогательного глагола-связки и личного местоимения-субъекта), которое должно было, по мнению автора этой концепции, некогда отражать структуру логического суждения, и т. д. Сопоставление со «Сравнительной грамматикой» Боппа «Компендия» Шлейхера покажет дальнейшую эволюцию метода сравнительно-исторического исследования, в особенности в области анализа звуковых соответствий между родственными языками и установления закономерностей развития звуков отдельных языков соотносительно с исходным «праязыковым» состоянием.

Однако, наряду с констатированием достигнутых успехов, необходимо также показать специфические недостатки, которые были присущи сравнительно-историческому языкознанию первого периода. Слушатели должны убедиться в том, что сравнительно-исторический метод не есть некая неизменная догма, однажды открытая, а затем подлежащая применению по одним и тем же готовым рецептам. Рассуждения о сравнительно-историческом методе вообще, безотносительно к его применению представителями различных научных направлений, нередко создают учителей и слушателей внеисторическое представление о его «достоинствах» и «недостатках». Нужно подчеркнуть, что метод этот развивался и совершенствовался в тесной зависимости от решения общих и частных вопросов языковедной науки и по мере накопления подлежащего исследованию конкретного лингвистического материала из области истории языков и родственных языков и диалектов в их современном состоянии.

Исторический подход к фактам различных языков, дающий возможность научно познать законы их развития, является наиболее существенной чертой сравнительно-исторического метода, определяющей его научную значимость, но надо отметить, что непоследовательность в проведении принципа историзма всегда являлась основным источником тех недостатков, которые были присущи этому методу на различных этапах его применения. С этой точки зрения надлежит, как нам кажется, подойти и к недостаткам сравнительного языкознания в первую стадию его развития, отмечая эти недостатки наряду с бесспорными достижениями.

Отрицательное влияние на лингвистические исследования первой половины XIX в. оказала антиисторическая концепция «двух периодов» в развитии языка. Согласно этой концепции, все языковые «формы» создавались в некий доисторический «органический» период. В течение этого периода могло происходить собственно «развитие» языковых форм, их качественное преобразование, совершенствование. Этот период относился к поре «младенческого» существования человечества, которое еще не вступило в «историческую» фазу своей жизни.

«Исторический» период знаменуется прекращением языкового развития в собственном смысле слова. Языковые «формы» в этот период больше не развиваются, но лишь «употребляются», и в процессе употребления они подвергаются распаду, разрушению. Языковые изменения, наблюдаемые в различные периоды истории народов и документированные даже

наиболее древними письменными памятниками, трактуются только как результат затемнения, разрушения первоначально стройного, гармоничного строения созданных в «органический» период форм.

Теоретические основы этой концепции были связаны с установками немецкой идеалистической философии. Антиисторическое представление о хаотичности совершавшихся на протяжении этого развития изменений, представление о том, что некогда существовавшая «идеальная» структура праязыка подверглась с течением времени губительным разрушениям, порождалось непониманием внутренних закономерностей исторического развития языков.

Теория «органического» периода в жизни языка получает различное освещение у языковедов первой половины XIX в. Бопп пытался определить «логический» состав возникавших в первобытный период существования индоевропейского праязыка форм, исходя из представлений рационалистической грамматики XVIII в., утверждавшей необходимость полного соответствия форм грамматики формам логики, и фактически оставлял вне круга своих интересов позднейшее развитие этих форм в тех или иных исторически известных языках.

Гумбольдт исходил из последовательно идеалистической концепции о «народном духе» или «гении», который, создав для себя некогда идеальную языковую «форму», определённый тип структуры, продолжает затем развиваться в «русле» этой структуры: однажды созданная «народным гением» языковая структура не подлежит уже затем существенным изменениям, а может претерпевать лишь мелкие отклонения в процессе употребления. В противовес этой откровенно идеалистической концепции Шлейхер дал вульгарно-материалистическую трактовку той же теории «двух периодов»; он объявил первый период периодом «естественного роста» языкового «организма», а второй — периодом его «увядания», естественного «разложения», «разрушения».

И в откровенно идеалистическом, и в вульгарно-материалистическом освещении теория «двух периодов» в жизни языка неизбежно обнаруживает свою полную антиисторичность, связанную с непониманием сущности и характера законов языкового развития. Попытка применять эту теорию при изучении сравнительной грамматики родственных языков, при изучении их истории составляла главный, определяющий недостаток сравнительного языкознания первой половины XIX в. Вряд ли есть необходимость разъяснять, к каким искажениям сущности языковых процессов должна была приводить (и приводила) трактовка наблюдаемых в истории языков фонетических и грамматических изменений, как фактов нарушения «органической стройности» первоначальной языковой структуры.

Однако с накоплением верных наблюдений в области истории языков, а также наблюдений над различными процессами, совершающимися в языках в их современном состоянии, постепенно стали создаваться предпосылки для преодоления антиисторической концепции «двух периодов» и для перехода к более правильному пониманию характера языкового развития. Коренной перелом в этом отношении намечился уже с конца 60-х годов и полностью совершился в 70—80-е годы прошлого столетия. Это был уже новый этап исторического языкознания.

Размеры статьи не позволяют подробно остановиться на вопросах, связанных с изложением и критическим анализом лингвистических направлений последней четверти XIX в. и XX в. Ограничимся перечнем тем, которые, по нашему мнению, нужно включить в программу.

Большое внимание должно быть уделено всесторонней характеристике лингвистических концепций А. А. Потебни, младограмматиков, представителей Казанской школы, Ф. Ф. Фортунатова. Наряду с критикой идеалистической трактовки философских вопросов языковедения (индивидуалистический психологизм как мировоззрение большинства буржуазных языковедов последней четверти XIX в.) следует показать то новое и положительное, что было внесено представителями названных направлений в разрешение общих вопросов языковедной теории и в историческое изучение конкретных языков и языковых групп.

При разборе этих концепций важно отметить характерное для них противоречие между явно идеалистическим определением сущности языка и элементами материалистической трактовки изучаемых явлений, наблюдаемых в процессе добросовестного научного исследования языкового материала.

В связи с анализом отдельных направлений языковедения конца XIX в. перед преподавателем встанет необходимость осветить ряд теоретических вопросов, выдвигавшихся представителями этих направлений (вопрос о закономерностях развития грамматического строя языка, о звуковых законах, значение наблюдений над живой речью и т. д.). При этом нужно будет покончить с имевшей прежде место недооценкой значения деятельности Ф. Ф. Фортунатова для развития общего и сравнительно-исторического языковедения. Опираясь на материалы не только печатных трудов этого выдающегося ученого, но прежде всего на его лекционные курсы (сохранившиеся лишь в литографированных изданиях), преподаватель должен будет показать подлинное лицо Ф. Ф. Фортунатова, как одного из ведущих для своего времени теоретиков, самостоятельно развивавшего положения, во многом сходные с положениями младограмматиков, но во многом и отличные от них. Должное место в курсе следует отвести и всестороннему рассмотрению научных принципов Казанской лингвистической школы (И. А. Бодуэна де Куртене, Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого).

В целом языковедение последней четверти XIX в., в его передовых направлениях, может быть охарактеризовано как один из важных этапов развития научной мысли, обогативший науку множеством конкретных исследований в области истории и современного состояния целого ряда языков и языковых групп. Успехи в применении сравнительно-исторического метода при изучении языковых фактов, достигнутые в этот период, также должны быть освещены в лекциях.

Говоря о трудах К. Бругмана, Б. Дельбрюка, Ф. Ф. Фортунатова, молодого Ф. де Соссюра и других исследователей сравнительной грамматики индоевропейских языков, преподаватель не может не указать на те новые проблемы и методы их разрешения, которые характеризуют второй период развития исторического языковедения. Однако подробное изложение этого материала не может быть дано в курсе «История языковедения», так как оно потребовало бы слишком много специальных объяснений. Мы считаем, что целесообразно ограничить их изложение, сославшись на специальный курс сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Эту же трудность надо учитывать и при характеристике лингвистической концепции А. Мейе, которую невозможно по-настоящему осветить без учета его работ в области истории и сравнительной грамматики языков индоевропейской семьи. Характеризуя деятельность А. Мейе и его школы, преподаватель уже переходит к изложению основных лингвистических направлений XX в.

Помимо дальнейших успехов в области сравнительного языковедения, связанных главным образом с открытием неизвестных прежде лингвисти-

ческих материалов (тохарского и хеттского языков), надо, как нам кажется, специально остановиться на исследованиях в области диалектологии, которые существенно обогатили языковедение новыми фактами, новой проблематикой, новыми методами лингвистического анализа. Особое внимание нужно фиксировать на методе исследования русских диалектологов, а также на французской и немецкой школах лингвистической географии. При этом необходимо иметь в виду актуальность критики теоретических недостатков этого направления, в особенности присущих трудам Жильерона и его школы.

Из теоретических концепций буржуазного языковедения первой четверти XX в. острому критическому анализу подлежат взгляды Ф. де Соссюра, воинствующий идеализм К. Фосслера и его последователей, а также взгляды Г. Шухардта (в частности, его теория языковых «смешений», как якобы ведущего фактора в языковом развитии). Этот анализ необходимо связать с критикой новейших реакционных направлений в зарубежной лингвистике. Представляется целесообразным дать в курсе разбор структуралистской и неолингвистической концепций, а также отдельных направлений англо-американской лингвистики (теория «языковых моделей» Сепира, «этнолингвистика», бихэвиоризм, «семантическая» теория). Ясно, что критика враждебных марксизму идеалистических теорий должна быть глубокой и конкретной.

Определенное место в курсе должно занять освещение основных направлений в русском предреволюционном языковедении, а также лингвистической работы, проводившейся в Советском Союзе до дискуссии 1950 г. Нужно подчеркнуть успехи в разработке грамматической теории (труды А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова). Следует также рассказать о большой работе по изучению различных языков народов Советского Союза, развернувшейся в связи с практикой социалистического строительства в национальных республиках и областях.

Одной из тем в этой части курса явится критика так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра и его последователей. При этом вряд ли целесообразно давать слушателям хоть сколько-нибудь подробный разбор нелепой теории «четырёх элементов», которую мало кто развивал даже из числа непосредственных учеников Н. Я. Марра. Полезнее и интереснее для слушателей будет критический разбор тех положений марровского учения, которые в особенно большой мере оказывали в свое время отрицательное влияние на теоретическую работу в области языковедения. Это — теория о «надстроечном характере» и «классовости» языка, идеалистическое понимание соотношения языка и мышления, теория «стадиальности», теория языковых смешений, как якобы определяющего фактора в языковом развитии, ошибочные взгляды по вопросам грамматики и т. д.

Рассказ о лингвистической дискуссии 1950 г., направившей развитие советского языковедения по единственно правильному пути ликвидации марризма и внедрения марксистского понимания сущности языка и законов его развития, явится завершающим моментом курса истории языковедной науки. Заключительной темой должно стать изложение марксистской теории языка, а также проблематики научных исследований, проводимых на ее основе.

*

Опыт показал, что для изложения намеченной тематики недостаточно одного семестра (36 часов), а необходим годовой курс. Серьезную трудность в работе над лекциями по истории языковедения представляет недостаток пособий. Особенно плохо обеспечены в этом отношении такие темы, как

языкознание древнего Востока, языкознание второй половины XIX в., современное зарубежное языкознание. Далеко не полно разработана история языкознания в России. Сравнительно благополучно обстоит дело лишь с критическим изложением достижений русских языковедов в области грамматической теории. Зато очень болезненно ощущается отсутствие работ, посвященных характеристике общетеоретических взглядов Ф. Ф. Фортунатова. Слабо освещено значение трудов представителей Казанской школы, много нерешенных вопросов еще остается в оценке научного наследия А. А. Потебни и т. д. Задачи научной подготовки языковедных кадров настоятельно требуют расширения исследовательской работы в области истории языкознания.

В последнее время в журнале «Вопросы языкознания», а также в других периодических изданиях стали появляться статьи, посвященные критическому анализу различных направлений в современной зарубежной лингвистике. Статьи эти читаются с огромным интересом и несомненно очень помогают преподавателям языковедческих дисциплин в их работе над лекционными курсами. Однако хотелось бы, чтобы тематика статей такого рода была несколько расширена с учетом того, что для читателя представляет интерес не только критическое рассмотрение наиболее реакционных направлений, но также ознакомление с положительными сторонами и недостатками исследований, проводимых в ряде конкретных лингвистических областей (сравнительная грамматика, диалектология, лексикология и др.).

Кроме того, можно пожелать, чтобы в нашей лингвистической печати появлялись также статьи, посвященные языковедным направлениям прошлого. Правильная оценка научного наследия имеет не меньшее, а иногда и большее принципиальное значение, чем знакомство с очень многими из новейших концепций зарубежной лингвистики, не говоря уже о том, что для того чтобы оценить их действительную «новизну», необходимо хорошо знать историю языкознания.
